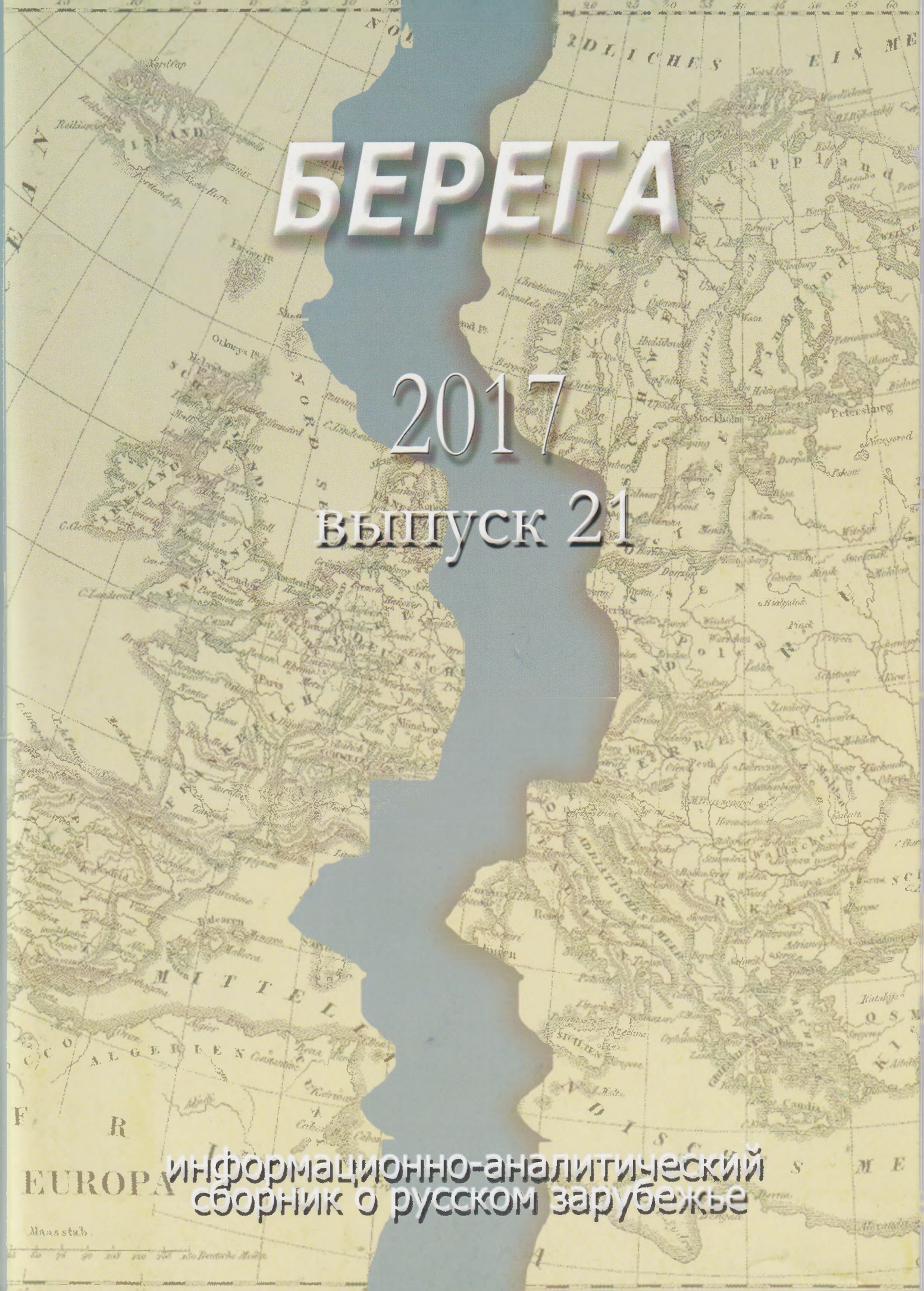

БЕРЕГА

2017

ВЫПУСК 21

информационно-аналитический
сборник о русском зарубежье

«Единение», «Горизонт», «Время» и др.), так и в других странах. Она является автором объемного труда (около 400 с.), вышедшего в 2011 г., «Уральские казаки в Квинсленде»[36]. Книга, повествующая о жизни уральских казаков в первые годы их пребывания в Австралии, написана на основе воспоминаний, собранных автором во время интервью с потомками белой эмиграции, их семейных архивов и материалов российских и австралийских хранилищ, а также документов из архива Свято-Николаевского собора (Брисбен). Перечисленные источники позволили Л.Л. Ларкиной подготовить и документальный очерк о 90-летней истории существования этого первого русского православного храма в Австралии[37]. Еще одну свою книгу Л.Л. Ларкина посвятила офицеру Белой армии Арсению Савицкому, приехавшему в 1945 г. в Австралию и ставшему художником-иконописцем[38]. Все книги Л.Л. Ларкиной содержат большое количество фотодокументов, причем многие фотографии сделаны самим автором.

Итак, изучение истории русской иммиграции в Австралии насчитывает уже около семидесяти лет. Сегодняшние достижения австралийской историографии в исследовании отдельных аспектов этой проблемы позволяют надеяться на появление в будущем фундаментальных обобщающих трудов.

[36] *Ларкина Л.Л.* Уральские казаки в Квинсленде. Brisbane : Australian Lampada, 2011. 377 с.
[37] *Ларкина Л.Л.* Свято-Николаевский приход в Брисбене: первый русский православный храм в Австралии. Brisbane : Australian Lampada, 2013. 72 с.
[38] *Ларкина Л.Л.* Брисбенский иконописец Арсений Савицкий. Brisbane : Australian Lampada, 2012. 117 с.

Е. Говор

У истоков русской общины Сиднея, 1906 – 1910 гг.

История российской дореволюционной эмиграции в Австралии давно привлекала внимание исследователей и в Советском Союзе, и в Австралии, однако освещение ее лимитировалось политическими установками страны исследования с одной стороны, и доступностью источников – с другой. В результате в работах историков преимущественно освещается лишь российская политическая эмиграция Квинсленда, по которой имеется богатая документация. Между тем другие регионы, будь то Сидней или Порт-Пири, Дарвин или Мельбурн, имели свои особенности и представляют несомненный интерес для исследования как самой эмиграции, так и умонастроений россиян накануне революции.

В данной работе мы обратимся к одной из таких неизвестных страниц – к истории ранней русской общины Сиднея, создавшей там в 1909 г. первую русскую общественную организацию в Австралии. В отличие от квинслендской эмиграции источники для исследования ранней эмиграции Нового Южного Уэльса (НЮУ) до настоящего времени оставались неизвестны. Путеводной нитью для поиска их является восстановление имен членов этого раннего сообщества на основе первичных архивных документов – пассажирских списков, приходивших в Австралию пароходов, документов о натурализации и материалов из газет – австралийских и русских, издававшихся в Брисбене и в России. Эта база данных, в свою очередь, приводит нас к материалам личного характера, хранящимся в архивах России и в семейных собраниях, которые помогают услышать голоса самих эмигрантов.

Сидней, старейший и крупнейший город Австралии, был и первым центром российской эмиграции на пятом континенте. Русская история его богата – здесь и россияне, попавшие в Австралию в качестве английских ссыльных, и русские моряки, сбежавшие с русских или с иностранных кораблей, и евреи, покидавшие Российскую империю

после погромов, и иммигранты-предприниматели. К 1911 г. в НЮУ насчитывалось 1536 уроженцев России, это почти треть всех россиян, проживавших в Австралийском Союзе[1]. Русские – по этническому происхождению и/или культуре – первоначально составляли среди них незначительный процент, но в середине 1900-х гг. ситуация начала быстро меняться – с Дальнего Востока сюда, и прежде всего в Сидней, началось движение эмигрантов.

Первая группа русских из этой новой волны прибыла в Сидней в ноябре 1906 г. Павел Нестеренко писал о ней в редакцию эмигрантской газеты «Воля», издававшейся Борисом Дмитриевичем Оржихом в Нагасаки: «Мы пять человек русские [прибыли] с Владивостока в Австралию 2 повара, 1 столяр, 1 обойщик. Все они скоро могли найти работу, хотя и не могли говорить. Но [я] не мог потому что я не имел профессии»[2]. По сведениям П. Нестеренко, к началу 1908 г. «нас здесь в гор. Сиднее всего 10 человек русских». Старейшим среди них был портной Станислав Урняж, прибывший в Сидней из Порт-Артура еще в 1904 г.; противник царизма, он стал главным связным с политическими эмигрантами в Нагасаки. Вслед за группой Нестеренко в Сидней прибыл и политэмигрант Николай Важник, член РСДРП с 1904 г., уже побывавший в царских тюрьмах, по профессии – столяр. Очевидно, что членов этой небольшой группы связывало не только землячество, но и общие политические взгляды: они выписывали из Нагасаки газету «Воля» и книги; Нестеренко в одном из писем писал: «Мы сделаем сбор в пользу вашей типографии»[3].

В середине 1908 г. с Дальнего Востока в Сидней прибыло несколько групп эмигрантов-интеллигентов. Так, в конце мая австралийские газеты с интересом писали о группе молодых русских, добравшихся в Сидней из Владивостока, отработав стоимость проезда кочегарами и матросами. Надо отметить, что поскольку они не были ни членами команды корабля, ни пассажирами, в Австралию они въехали без какого-либо учета со стороны иммиграционных властей. Из газет известно, что в их группу входили студент университета Константинов, пианист, портретист, маляр, слесарь, виноградарь и 16-летний сын военного, не желающий служить в армии[4]. В июле 1908 г. из Японии прибыли еще две группы эмигрантов-интеллигентов. В первую входили лейтенант военно-морского флота Михаил Михайлович Домерщиков, участник русско-японской войны, замешанный в революционном брожении во Владивостоке и работавший наборщиком в типографии «Воли» в Нагасаки, семья музыкантов-исполнителей Яси(о)новских и захваченный ими по дороге в Маниле литератор Иван Николаевич Антонов, писавший под псевдонимом Изгнанник. Австралийский иммиграционный контроль в то время был настолько слаб, что Антонов, не имевший паспорта, при посадке на корабль назвался просто Изгнанником, а чиновник так и внес его в список пассажиров под именем Mr. Y. Sgnunik. Во второй группе был политэмигрант Михаил Яковлевич Михайлов, использовавший фамилию Краузе, тоже работавший в «Воле», семья Подпах с четырьмя детьми и предприниматель Николай Александров. В масштабе Австралии это был мощный культурно-политический десант, и, действительно, члены этого авангарда русской эмиграции в Австралии написали десятки писем, очерков, рассказов, стихов, воспоминаний о своем австралийском опыте, однако весь этот материал почти полностью оказался вне поля зрения исследователей. Объясняется это тем, что, с одной стороны, участники этой группы ассоциировались с эсеровской «Волей», а с другой – тем, что их публикации были разбросаны по страницам русских газет и не были выявлены. Между тем, уже при заходе корабля в Брисбен, Леонтий Павлович Подпах, редактор и издатель «Владивостокского листка», который был вовлечен в революционные события во Владивостоке и, эмигрировав в Японию, продолжал заниматься издательской деятельностью, сообщал местным газетчикам, что он «корреспондент двух газет, одной в Сибири, а другой в Центральной России, в которые он собирается посылать серию статей об Австралии»[5].

На протяжении последующих месяцев в Сидней приехало еще несколько эмигрантов

[1] Census of the Commonwealth of Australia. 1911. Part II. Birthplaces, Melbourne, 1914-1917. P. 140–141.
[2] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6317. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
[3] Там же. Л. 1.
[4] Russians in Sydney // Sydney Morning Herald (далее – SMH). 6.06.1908. P. 13.
[5] Russian editor // Queensland Times, Ipswich Herald and General Advertiser, 30.07.1908. P. 11.

из Японии, связанных с «Волей», а в ноябре 1908 г. к ним присоединился Виктор Константинович Курнатовский – социал-демократ с большим стажем, прошедший тюрьмы и ссылки, организатор Читинской республики, побывавший на волоске от смертной казни во время карательных экспедиций П.К. Ренненкампфа; в Австралию он въехал под фамилией Авдаков. В начале 1909 г. в Сидней прибыл Всеволод Чистохин, участник Читинской республики, также приговоренный к смертной казни и бежавший из Акатуя, знакомый с Курнатовским. В Австралии Всеволод взял фамилию Судаков – под этой фамилией здесь уже жил его брат Семен, приехавший в марте 1908 г. На протяжении 1909 г. русская колония продолжала расти за счет прибытия новых иммигрантов с Дальнего Востока и, в отдельных случаях, из Европы и Америки.

Эти ранние эмигранты, и особенно нагасакцы, поддерживали тесный контакт между собой. Ясиновские, Изгнанник и Домерщиков на первых порах поселились вместе. Впоследствии Домерщиков делил жилье с Курнатовским. Изгнанник упоминает сиднейский «руссофицированный бар», который «сделался постоянным местом отдыха» его соотечественников после того, как там по их просьбе установили столы и стулья[6]. Михайлов, как некогда в Нагасаки, проводил часы в прогулках по городу с Курнатовским. И, конечно, летели письма и в Японию – Б.Д. Оржиху, и в русские газеты, и землякам-иммигрантам которые начинали прибывать в Брисбен и Мельбурн.

Какой же предстала Австралия перед этой группой социалистов, которым довелось проверить на себе победоносно шествующую по страницам печати легенду об Австралии – стране успешного социального эксперимента, рабочем царстве?

Свобода – это было первое, что они жаждали найти в Австралии, и они действительно видели ее, но по-разному. «Вот уже неделя, как я обретаюсь в свободной стране, куда так стремился попасть», – начинал свое письмо Домерщиков. «Чувствуется здесь очень свободно – вы можете идти как угодно одетым – никто не обращает внимания. В трамах [трамваях], ресторанах, dining-room'ах [столовых] рабочие, пришедшие прямо с работы с черными руками и лицами, садятся рядом с разряженными барынями, и это никого не "шокирует"» (Курнатовский). «Чудный здесь ботанический сад... Свобода везде полная – можно ходить по траве» (Мария Ясиновская). Но Изгнанник, этот мальчиш-плохиш русской колонии, с первых шагов безжалостно анатомировал австралийскую свободу: «Принесу жертвы всем богам, когда уеду от этого счастливо-свинячьего царства, – писал он Оржиху, – где буквально извожусь в сыто-довольном хрюканьи узколобо-религиозного народа, бессознательно наслаждающегося обилием плодов зеленых, "растворением воздухов" – так дешево добытой сверху свободы»[7].

Завоевания австралийского рабочего класса – 8-часовой рабочий день, высокая заработная плата, трудовое законодательство, профсоюзная защита, – слава о которых шла по всему миру, на практике разочаровали русских. «Австралия в этом отношении хуже Америки. Там набрасываются на эмигранта, как на предмет эксплуатации; здесь рабочее законодательство больше ограничивает эксплуатацию – и иммигрант теряет для предпринимателя в значительной степени всякую привлекательность», – писал Курнатовский. Михайлов отмечал, что труд высоко оплачивается «только среди организованных рабочих. Там же, где организация затруднительна или невозможна, там эксплуатируют сколько влезет, а в особенности иностранцев, не владеющих языком». То же самое обнаружил и Нестеренко: в то время как «англичанин не захочет вас эксплуатировать [и] не примет на работу», «можно найти работу очень скоро у греков посудником или полы мыть. Приходится очень много работать и за небольшую цену 20 [и]ен в месяц». «Единственный исход русского человека, не умеющего говорить по-английски, это есть греки, – заключал он. – Но я не хотел дать себя в эксплуатацию, и потому я не работал 5 месяцев»[8].

Письма этих первых эмигрантов полны рассказами о поисках работы, причем большинству из них, несмотря на образование, пришлось заниматься тяжелым физическим трудом. Курнатовский так подводил итоги своего первого года австралийской жизни: «В

[6] *Изгнанник [Антонов И.Н.].* На пире земли (Рассказы и песни). Петроград : Тип. Научное дело, 1916. С. 253–254.

[7] ГАРФ. Ф. 6317. Оп. 1. Д. 73. Л. 144, 220, 152–153; Д. 49. Л. 1–7.

[8] ГАРФ. Ф. 6317. Оп. 1. Д. 73. Л. 222; Д. 24. Л. 8; Д. 30. Л. 3.

Сиднее все мои попытки "устроиться" потерпели неудачу. Пришлось взяться за амплуа рабочего, притом низшего сорта, так как я не знаю никакого ремесла. Был рабочим на фабрике, кухонным мужиком. ... Перепробовал еще многое»[9]. Домерщиков начинал свой путь на той же кондитерской фабрике русского поляка Джозефа Эплера. «Несмотря на то, что он был белоручкой [...] он оказался молодцом, – писал о Домерщикове Курнатовский – работает в одной рубахе с засученными рукавами, в фартуке, как простой рабочий. Но только здорово устает, так что после работы никуда не ходит». «Бывший лейтенант похудел и плохо выглядит, ему не по силам такой труд, да и общество неподходящее для него, – мне очень его жаль», комментирует трудовое крещение Домерщикова Ясиновская. Не лучше были дела и у Михайлова (Краузе) – «Я пока тоже мыкаюсь кое-как, и работать приходилось только с русскими, что особенно скверно отзывается на изучении языка», – писал он. Курнатовский отмечал, что «Краузе ходит без работы, имеет случайную – починяет иногда швейные машины и т. п., заработает несколько шиллингов, а там опять ни черта»[10]. Русский, у которого подрабатывал Михайлов, был Алексей Щеголев, уроженец Курска, поселившийся в Сиднее еще в 1884 г. и занимавшийся торговлей швейными машинами – один из немногих эмигрантов XIX в., протянувших руку помощи новоприбывшим радикалам. О других русских у них сложилось удручающее впечатление: «Всякий эмигрирующий сюда русский должен рассчитывать только на самого себя, – писал Михайлов, – так [как] живущие здесь русские ничего не могут сделать для приискания заработка [...] потому, что не имеют ничего общего с английским или, вернее, австралийским обществом»[11].

Общение, интеллектуальная жизнь оказалась в условиях эмиграции не менее важным моментом, чем добывание хлеба насущного. Нестеренко вспоминал, как, не желая подвергаться эксплуатации, «ежедневно занимался пристально английским языком и старался во что бы то ни стало поступить в Юни [университет]». Курнатовский стремился туда же: «Первое мое желание было получить доступ к университетской библиотеке, но без рекомендации сделать это оказалось трудно, а знакомых таких пока нет». Два месяца спустя ситуация у него не изменилась: «В общем живется довольно скучно, знакомства ни с кем из интеллигентных англичан завести не удалось. В социалистическом клубе люди тоже все занятые, да и интимное знакомство здесь не в моде». Сходное разочарование звучит в письме Ясиновской: «Я здесь ужасно скучаю [...] Здесь русскими не очень интересуются, много толкуют о Толстом, но никаких бурных чувств к русским не питают»[12]. Лишь Изгнаннику, взбунтовавшемуся против эксплуатации и проведшему несколько месяцев на сиднейском «дне», одному из немногих русских удалось сойтись с несколькими австралийцами, но отнюдь не интеллигентами.

На этом фоне мысли о каком-то объединении возникали и у рабочих, и у интеллигентов. Так Нестеренко еще в январе 1908 г. писал в «Волю»: «В настоящее время мы все русские вновь прибывшие считаем долгом помочь бедному русскому человеку, не умеющему говорить по-английски. Хотя за небольшую плату, но будешь обеспеченный работой на другой день – такое постановление нашего союза». Однако в ноябре 1908 г. Михайлов, разыскавший Урняжа, заказавшего в «Воле» литературу, пишет Оржиху: «Он, обращавшись к Вам с просьбой о высылке, действовал как представитель группы людей, желавших иметь революционную литературу. Теперь вся эта публика частью разбрелась и частью перессорилась, но он все-таки дал слово, что вышлет Вам деньги». Тем не менее, Михайлов сам, уже через пару недель после прибытия, в августе 1908 г., подумывал об организационном оформлении русских: «Публика здесь в большинстве случаев или беглецы от воинской повинности, или легальные люди. Совершенно не группируются, и поэтому точно узнать кто здесь есть, нельзя. Со временем думаю попытаться сбить в кучу – думаю, что удастся, так как подметил тенденции в этом направлении»[13].

[9] *Окулова Е.* Виктор Константинович Курнатовский, 1868–1912. М.: Госполитиздат, 1948. С. 169.
[10] ГАРФ. Ф. 6317. Оп. 1. Д. 73. Л. 220; Д. 49. Л. 13; Д. 24. Л. 8.
[11] ГАРФ. Ф. 6317. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.
[12] ГАРФ. Ф. 6317. Оп. 1. Д. 30. Л. 3; Д. 73. Л. 220, 222; Д. 49. Л. 13.
[13] ГАРФ. Ф. 6317. Оп. 1. Д. 30. Л. 3, 4–7.

Практические шаги по созданию русской организации были предприняты в мае 1909 г., когда в сиднейской газете появилось объявление, призывающее «всех людей из России, проживающих в Сиднее», на собрание для учреждения русского клуба. 30 мая состоялось собрание под председательством, как сообщала газета, Джорджа Ардакова, т.е. Курнатовского. В корреспонденции газеты отмечалось, что в результате дискуссии было решено, что характер клуба будет «социально-братским» и «будет исключать политику», и одной из целей его будет помощь эмигрантам, прибывающим без знания языка[14]. Правление клуба было выбрано в следующем составе: Президент Курнатовский, его заместитель Джон Карлов, секретарь Дж. Патака. Никаких следов последнего в австралийских документах найти не удалось – вероятно, имя было искажено до неузнаваемости, а вот Джон (Иван Николаевич) Карлов лицо вполне реальное. Он родился в Петербурге, вероятно, получил неплохое образование и в конце XIX в. прибыл в Сиэтл, на западном побережье Америки, где работал машинистом и механиком. В конце 1908 г. он перебрался в Сидней, оставив в Америке новорожденную дочь с женой. На первых порах численность членов клуба составляла 30 человек, и уже месяц спустя было принято решение о создании «библиотеки русских и английских книг, чтобы содействовать сравнительному изучению двух языков»[15]. В ноябре 1909 г. Карлов уже выступал на страницах газет от лица русского клуба, опровергая заявление русского консула в Австралии о том, что эмигранты здесь умирают от голода. Со знанием дела он рассказывал, что если поначалу эмигрантам без языка, прибывающим из Владивостока, и приходилось трудно, то теперь с помощью их организации все трудоустроены и стали на ноги[16].

В январе в русском клубе побывала корреспондентка австралийской католической газеты Агнес Макриди, с большой симпатией рассказавшая об объединении русских. Она впервые указывает его точное название: «Русское общество помощи» (Russian Aid Society) и, говоря о небольшой русской общине в Сиднее, подчеркивает, что имеет в виду «собственно русских». Культурно-этническая принадлежность, как мы увидим дальше, являлась важным аспектом конституционирования первых объединений выходцев из России. В корреспонденции отмечалось, что целью общества является помощь новоприбывшим, но кроме этого действует клуб, который проводит встречи для общения раз в месяц и ведет школу для изучения английского языка два раза в неделю с бесплатным преподаванием. Вечеринка, на которой побывала корреспондентка, включала в себя чаепитие с самоваром и закусками под русским флагом, песни (она отмечает исполнение национального гимна и «Дубинушки»), веселые русские танцы. Но кроме этой «русской экзотики» австралийская гостья, несомненно, ощутила ауру русского интеллектуального общения – «дух Пушкина, Гоголя и Тургенева». Набору стереотипных представлений о России – «степи, волки и Сибирь» – она противопоставляет душу России, любовь к которой и боль за которую она почувствовала, беседуя с русскими эмигрантами. Они произвели на нее впечатление «прекрасных представителей цивилизации и культуры», многие из которых принадлежали к сливкам русского общества – «офицеры в армии, профессора в университетах, доктора, юристы, художники». Покорила ее и «очаровательная русская леди», утверждавшая, что в Австралии они превыше всего ценят не красоты Сиднейского залива, буш или безоблачное небо, а свободу[17].

Однако взгляд самих русских на создание этого общественного объединения несколько отличался от радужных представлений нашей корреспондентки. В письме одного из сиднейских эмигрантов, возможно, самого Курнатовского, написанном вскоре после учреждения общества, говорится: «В Сиднее устраивается “русское общество взаимопомощи эмигрантам”. Цели его: подыскание работы для вновь приезжающих, открытие справочного бюро и основание курсов английского языка. Записалось пока 22 человека, но выйдет ли толк, не берусь сказать. Цель хорошая, но, во-первых, русские ужасно не дисциплинированы и не умеют вести никакого общественного дела, а, во-вторых, здесь

[14] SMH. 27.05.1909. P. 2; 5.06.1909. P. 12.
[15] SMH. 14.06.1909. P. 6; 5.07.1909. P. 3.
[16] SMH. 9.11.1909. P. 8.
[17] [Macready A.]. With the Russians in Sydney on Tuesday evening // Catholic Press, 13.01.1910. P. 19. Подпись: Arrah Luen.

среди эмигрантов порядочный % х....ов, что может очень плохо отразиться на молодом Обществе»[18]. Еще более прозрачно о проблемах общества говорится в письме из Сиднея от 3 января 1910 г., написанном политэмигрантом Иннокентием Ангарским (Жидовкиным), прибывшим из Нагасаки в 1909 г.: «Организовалось здесь "Русское общество взаимопомощи" [...] Цели этого общества положительно не известны никому, во главе правления (есть и таковое) стоят люди очень «почтенные» и уважаемые... Кем они уважаемы, об этом скромно умолчим. Состав членов довольно разношерстный. Первое время преобладали евреи, а так как направления у общества никакого нет и вступить может всякий, «говорящий» по-русски, то вместе с евреями попали и самые заядлые их враги: черносотенцы и просто «добрые» ребята, не могущие переносить воздуха, пахнущего чесноком, как сказал один из них. Благодаря такому отношению очень скоро возникли недоразумения, которые чуть не кончились форменной дракой. Некоторые из членов вышли из состава, а некоторых исключили. Теперь это общество избавилось как от «добрых» ребят (не вполне), так и от людей, могущих дать хотя что-нибудь дельное. Собственно говоря, ну его к черту!»[19]

Этно-политическая конфронтация, раздиравшая Россию накануне революции, как в капле воды воспроизводилась в сообществах россиян за ее пределами. Подобного рода аморфное общество взаимопомощи год спустя будет создано и в Брисбене, куда к тому времени направится эмиграционный поток. В 1911 г. бразды правления в нем захватит большевик Артем (Ф.А. Сергеев), и его установка на классово-пролетарские ориентиры смягчит нарастающие этнические коллизии. В Сиднее, напротив, сильного лидера не нашлось, поскольку первый десант русской эмиграции скоро сошел на нет. Михайлов, Изгнанник и Ясиновские покинули Австралию еще до образования общества. Уезжая, Изгнанник писал: «Даже наиболее интеллигентные представители русской эмиграции львиную долю своего времени посвящали и посвящают печальному занятию взаимной "критикой"... В среде их царила и царит нетерпимость и недоверие, к этому присоединяется постоянное раздражение, одних на тяжелые материальные условия жизни, других – за обманутые ожидания, с какими они ехали заграницу»[20].

Курнатовский, не выдержав «потогонного труда» в Сиднее, покинул город в конце 1909 г., взяв вместе с Семеном Судаковым подряд на вырубку векового леса в Ви-Ва, на границе с Квинслендом. Несколько месяцев спустя Домерщиков будет на руках тащить тяжело больного Курнатовского к кораблю, который отвезет его в Париж, к В.И. Ленину – на пролетку у них не хватит денег. А десятилетие спустя, когда вернувшийся в Россию Домерщиков попадет в руки ОГПУ, эта заслуга перед партией спасет его. Другим «возвращенцам» из этой когорты повезет меньше, но это уже тема совсем другого исследования.

Ныне на месте адресов, по которым когда-то располагался «русский» Сидней, выросли небоскребы и пролегли эстакады современного города, но он не исчез бесследно. «Когда я переселился в Сарри-Хиллс, – рассказывает Роберт Карлов, – я почувствовал, что я здесь когда-то уже был, а потом узнал, что на этой улице жил мой прадед»[21]. Джон Карлов, один из основателей Русского клуба, казалось бы, без следа растворился в австралийском этносе и ничего не передал своим детям из своего русского прошлого; но ныне его правнук, «черный русский», как он себя называет, поскольку сын Джона породнился с австралийскими аборигенами, изучает русский язык и отправляется в путь по следам своих легендарных предков.

[18] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1909. № 38–39. С. 19. Подпись: Ego.

[19] [Ангарский И.] – Я. Силину. 3.01.1910. Архив Якова Силина, собрание Елены Говор, Канберра.

[20] Изгнанник [Антонов И.Н.]. Из моих скитаний // Далекая окраина. 14.06.1909. С. 3.

[21] Интервью 1.08.2016, собрание Елены Говор.